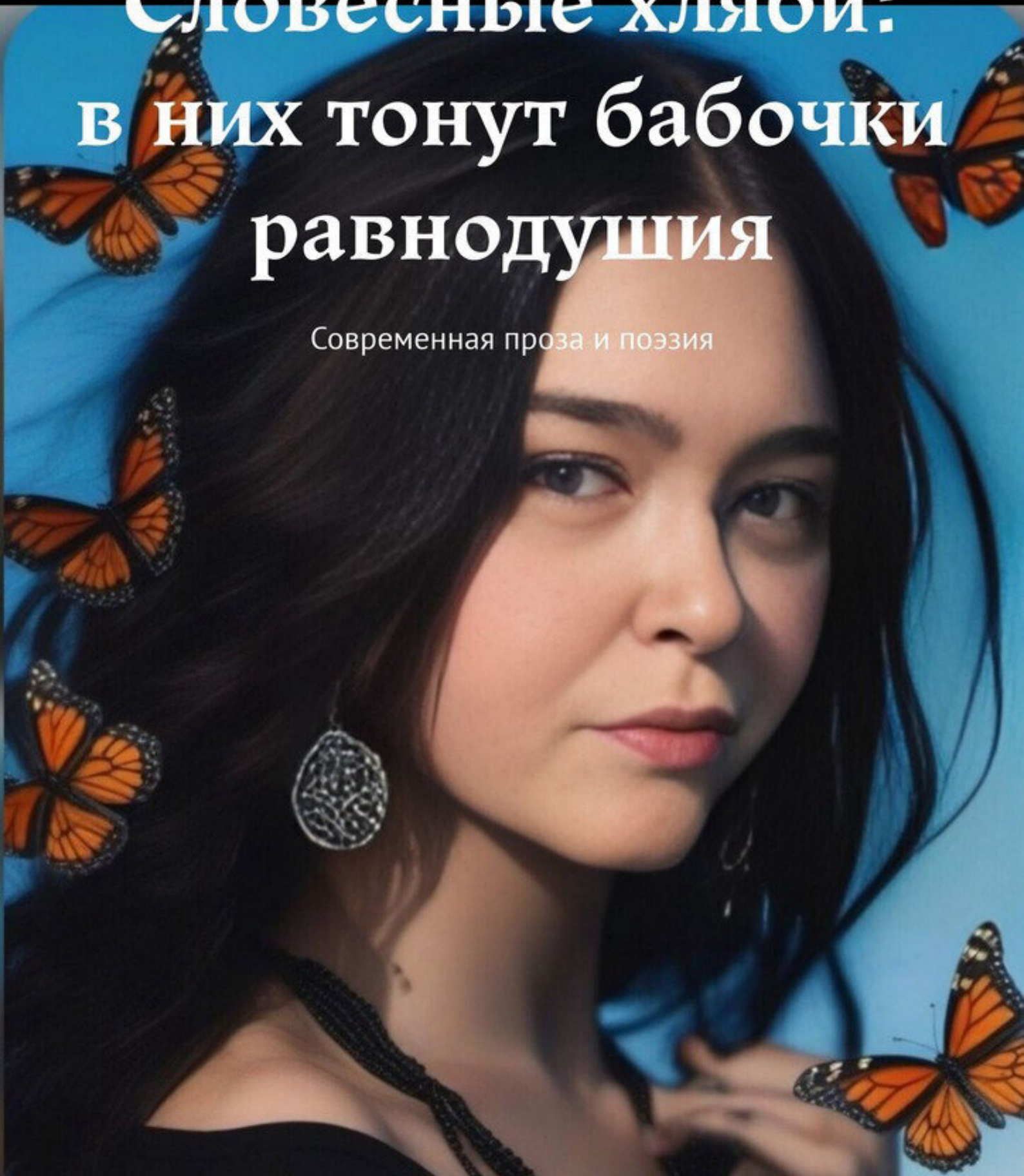

18+

Наталья Червяковская

Словесные хляби: в них тонут бабочки равнодушия

Современная проза и поэзия

Наталья Червяковская

**Словесные хляби: в них
тонут бабочки равнодушия.
Современная проза и поэзия**

«Издательские решения»

Червяковская Н.

Словесные хляби: в них тонут бабочки равнодушия. Современная проза и поэзия / Н. Червяковская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-693916-5

Книга «Словесные хляби: в них тонут бабочки равнодушия» рисует тёплую картину сплочённой семьи, полной детей и внуков. Это история непростой судьбы девушки Инги, которой родные жениха Роберта помогли обрести внутреннюю гармонию и семью. Здесь появилось на свет множество чад, а также корги по кличке Лис-Патисон. А ещё — завораживающая легенда о гранатовом саде, где плоды зреют под звёздами забытых грёз. Дети с именами Фетинья, Ярослав, Вениамин, Махсуд и Мелеч — вот оно, настоящее счастье.

ISBN 978-5-00-693916-5

© Червяковская Н.
© Издательские решения

Содержание

Словесные хляби: в них тонут бабочки равнодушия	6
Квартирант загадочен, словно крылья бабочки	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

**Словесные хляби: в них
тонут бабочки равнодушия
Современная проза и поэзия**

Наталья Червяковская

© Наталья Червяковская, 2026

ISBN 978-5-0069-3916-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Словесные хляби: в них тонут бабочки равнодушия

*В омутax безразличия трепещут надломленные крылья,
Унося последнюю надежду в бездонную пропасть вечного забвения.*

Словесные хляби разверзлись вдали,
И в тихой пучине надежды легли.
Равнодушны волны, их шёпот жесток,
Где бабочек стаи теряют свой полёт.

Тонут надежды, как искры во тьме,
Бабочки в хляби, не видно их мне.
Крылья устали, нет сил уж летать,
В словесной пучине им век погибать.

Искажены лица в мутном стекле,
Отражают лишь хаос, что творится вовне.
Слова-паразиты, как тина густая,
Обвили сознание, свободы лишая.

Их танец прощальный – последний виток,
В словесной трясине обманчив восток.
Забыты мелодии, песни молчат,
Лишь эхо бывшего неслышно звучат.

Холодный туман напозаает на душу,
И светлые мысли все глуше и глуше.
Размыты границы, потеряна нить,
Легко здесь навеки в забвенье уснуть.

Но в самой глубокой, беспросветной ночи,
Вдруг вспыхнет искра, сквозь хляби проскочит.
То память о лете, о солнце лучах,
Расправит усталые крылья в плечах.

И вот она стоит на распутье, молодая девушка, но уже с ощущением прожитых лет. В памяти всплывают обрывки фраз, брошенных мимоходом, колкие взгляды, презрительные усмешки. «Бездарность,» – шепчут тени прошлого. «Неудачница,» – эхом отдается в пустой квартире. Она, словно гадкий утёнок, выросший в стае безупречных лебедей, чувствует себя чужой и одинокой. Их красота – лишь маска, скрывающая холод и безразличие. Сердце сжимается от обиды и разочарования.

Но где-то в глубине души, в затихшем уголке, зарождается искорка надежды. Она устала быть мотыльком, летящим на лживый свет чужих обещаний и фальшивых улыбок. Хватит плыть по течению словесных хлябей, тонуть в омутax безразличия. Пришло время взять свою жизнь в собственные руки.

Пусть карьера не сложилась так, как мечталось, пусть личная жизнь оказалась горьким разочарованием. Это не конец, это лишь начало нового пути. Пути, где она сама выбирает направление, сама определяет свою ценность. Она больше не позволит чужим оценкам диктовать ей, кто она есть. Карьера ли, личная жизнь... Она юна, и вся жизнь – как бескрайний горизонт, полный обещаний. Это – лишь мимолетный этап, едва заметная ступень на пути к вершинам.

Она начинает с малого: прощает себе ошибки, благодарит за уроки, отпускает прошлое. Каждый день делает шаг вперёд, маленький, но уверенный. Записывается на курсы, читает книги, общается с интересными людьми. Она начинает видеть красоту в простых вещах: в утреннем солнце, в пении птиц, в улыбке прохожего.

Вместо крыльев мотылька у неё теперь сильные крылья птицы, способной подняться над мраком и взмыть ввысь. Она больше не «гадкий утёнок», она – лебедь, но не из надменной стаи, а свободный и сильный, нашедший свою собственную красоту в глубине души. Её полёт только начинается.

Февраль-чернокнижник в високосном обличье сковал город ледяным проклятием. Инга не шла, а скорее плелась, волоча за собой сумрачную тень минувшего дня. Сегодня она оторвала последний лепесток от ромашки ненавистной работы, и на языке остался привкус горькой настойки прощания. Она отработала последний день – её уволили. Художник, с собственным, непокорным взглядом на мир. И она не испытывала ни капли сожаления о случившемся.

Инга, детская художница, работала в рекламной компании, где её кисть дарила жизнь компьютерным пикселям: бездушным роликам, баннерам, рекламным щитам, превращая цифровой мрак в искрящееся волшебство. Но заказы мельчали, грубели, превращались в уродливые карикатуры. Требовали лишь примитивные заливки да холодную расчётливость искусственного интеллекта, штампованные шаблоны, клонированные идеи, словно сошедшие с конвейера. А Инга мечтала творить сказку, дарить волшебство каждому мазку кисти. Две недели назад, не выдержав гнёта бездушия, она выплеснула всё, что накопилось в сердце. И теперь брела по стылому городу навстречу неизведанному, ощущая под ногами хруст разбитых надежд. Её мнение диссонировало с концепцией фирмы, словно фальшивая нота в стройной симфонии, и это стоило ей места. В трудовой книжке же появилась уклончивая запись: «Уволена по собственному желанию».

С родителями так и не удалось построить тот тёплый, домашний очаг, о котором мечталось. Любила их, конечно, но в глубине души всегда ощущала себя чужой в родных стенах. Две сестры-близняшки, Маня и Галя, – словно два солнца, озаряли всё вокруг, обожаемые, предмет гордости семьи. А она, младшая Инга, – гадкий утёнок, угловатая и нескладная, будто тень на их фоне. Да и мать родила её почти в сорок, словно запоздалый плод, случайно сорвавшийся с ветки. «Ошибка природы, расплата за увядающую красоту» – эти слова обжигали хлеще плевков раскалённой лавы, оставляя незаживающие шрамы на сердце.

За занавесом приторных недомолвок зловеще маячила суровая действительность: не долгожданное чудо новой жизни, а поздняя, как приговор, беременность. Эта тень преследовала Ингу с тех пор, как она осознала себя нежеланной обузой для родителей. Словно провинившегося щенка, её тыкали мордой в этот горький факт. «Я-то думала, климакс, хоть отдохну... а тут ты. Да и не больно-то хотелось,» – эти слова, словно ядовитые дротики, летели в Ингу всю её жизнь из уст матери. Мать полагала, что находится в периоде менопаузы, но судьба

распорядилась иначе. Появление Инги на свет не было предусмотрено жизненными целями её матери. Врачи-гинекологи советовали родить ребёнка, аргументируя это необходимостью поддержания молодости будущей матери и стабилизации её гормонального баланса. Такова была суровая правда: обмен на женскую молодость вместо материнской любви. К сожалению, подобные истории не редкость. Мать твердила: «Инга, ты – запоздалый плод, случайно сорвавшийся с ветки. Ошибка природы, расплата за увядающую красоту». «При чём тут я?» – всегда думала дочь. Сделала бы аборт или, может, не получила удовольствия? Но дед, отец её матери, дедушка Вениамин, всегда говорил: «Люблю тебя больше жизни, мой маленький прекрасный птенчик. Не слушай мать». И Инга, как только пошла в школу, переехала жить к дедушке. Это были лучшие годы её жизни. Этот человек любил её больше всего на свете. В тот самый год, когда Инге исполнилось восемнадцать, тихий стук судьбы возвестил об утрате – дедушки не стало.

В девятнадцать лет в её жизнь вихрем ворвался Вадик, и первая любовь, опьянив страстью, обернулась изощрённой пыткой, вытягивавшей из неё силы долгих четыре года. Он требовал беспрекословного подчинения, не даря ничего взамен, словно вампир, до капли выпивая её душу. Он превратился в тяжкий груз на её шее, паразитируя на её чувствах. Не обременяя себя трудом, он извергал потоки притязаний, отравляя каждый её вздох.

В течение четырёх лет романа с Вадиком она работала иллюстратором в детской компании, но её уволили оттуда, как ненужную игрушку. Через две недели Вадик исчез в темноте, забрав с собой всё, что было заработано её тяжким трудом, не оставив даже записки.

Единственным лучом тепла в этом ледяном царстве оставался дед, его любовь – безусловная, всепоглощающая. Пусть и минуло пять лет с его ухода, он по-прежнему жил в сердце Инги, и каждое воспоминание о нём согревало душу и сердце, словно пламя свечи в зимнюю стужу. Он оставил ей в наследство трёхкомнатную квартиру, что взорвалось цунами негодования в стане родственников. Именно эта квартира, словно камень преткновения, окончательно разорвала тонкие нити, связывавшие её с семьёй. Зато теперь у неё был свой дом, неприступная крепость, гавань, куда можно вернуться, не страшась ипотечного рабства. «Найду новую работу, комнату сдать, всё-таки центр города», – решила Инга, сжимая кулаки и ощущая в груди робкий уголёк надежды. «А утром первым делом прошерстю интернет, разберусь со всеми формальностями и сделаю».

Февраль-чернокнижник день дарит: год високосный.
В объятьях льда томит наш город сонный.
Бредёт она, отвергнутая миром,
Но в сердце уголёк надежды чистой кован.

Фонарь отшельника лучом пронзает тьму,
В ночи укажет путь, тропу надежды.
И вьюга белая, с морозом воем лютым,
Обнимут путницу, что духом так светла.

Ей душно жить в среде пустых зеркал,
Где ложь цветёт под маскою красивой.
В плену витиеватых, лживых фраз,
Она бредёт, отчаявшись, тоскливо.

Но средь снегов, в безжалостной дали,
Вдруг видит чудо – первый луч надежды!
Подснежник хрупкий, нежный, как росток любви,
Как весть о том, что жизнь уже, не будет прежней.

И сердце замерло, предчувствием объято,
Что скоро кончится зимы суровой власть.
Что сквозь пургу, сквозь бури и препятствия,
Победа света над морозами близка.

Подснежник маленький, как символ обновления,
Как искра веры в торжество весны.
Он шепчет ей о скором пробуждении,
О ярких красках, песнях, юности полны.

Она идёт вперёд, с души отхлынула тоска,
В ней пробивается росток, из заточенья зимней тьмы.
И каждый вздох – как свежий ветра плеск,
Энергии живой, что пробуждает мир от сна.

Февраль-колдун лютует на дворе,
Но колдовской его неистовство стихает.
В душе странницы, будто в Алтаре,
Весна хрустальным гимном расцветает.

Мороз кусал щёки, заставляя их алеть румянцем вопреки внутреннему холоду. Инга ускорила шаг, втягивая голову в плечи. Снежинки кружились в фонарном свете, напоминая мерцающие искры ускользящих возможностей. Впереди маячила арка старого дома, портал в её личное убежище, где стены хранили тепло дедушкиных объятий.

Поднявшись на третий этаж, Инга с облегчением толкнула дверь квартиры. Полумрак встретил её тишиной, гулко разносившейся по комнатам. Она прошла на кухню, поставила чайник и устало опустилась на стул. Взгляд упал на старую фотографию, прикреплённую магнитом к холодильнику. На ней – совсем маленькая Инга, сидящая на коленях у бабушки Вениамины, оба смеются, озарённые солнечным светом. Сердце сжалось от тоски. Как же не хватает его мудрого взгляда и добрых слов.

Дождавшись неистового свиста чайника, Инга заварила терпкий чай цвета старого янтаря и, прихватив кружку, проскользнула в кабинет. Там, у самого окна, дремало его старое плетёное кресло-качалка, словно ждущее её прикосновения. Она опустилась в него, укутавшись в шерстяной плед, источавший щемящий запах деда – горьковатый табак и душистые травы, собранные им когда-то на дальних лугах. В памяти, словно осколки цветного стекла, всплывали обрывки его рассказов, тёплые советы, тихие утешения. «Никому не позволяй тушить твой внутренний огонь, Инга. Ты – художник, а художники видят мир иначе, сквозь призму собственной души. Не бойся быть собой, девочка моя. В этом и есть твоя сила.»

Инга закрыла глаза, и воображение живо нарисовало его рядом. Он нежно перебирает её волосы, и бархатный шёпот обволакивает слух: «Всё наладится, птенчик. Всё будет... не „хорошо“ – это слишком блёклая краска, – всё будет отлично, в разы лучше». От этих слов

сердце Инги начинало биться ровнее, словно успокоенная птица. Дед, эрудит-лингвист, долгие годы делившийся мудростью в стенах университета, не терпел эту серую оценку – «хорошо». Его перу принадлежали десятки статей и рецензий, разосланных по престижным вузам. «Будь лучшей, Инга, будь уникальной во всём», – звучал его негласный наказ, эхом отдающийся в её душе. Она открыла глаза, полная решимости. Дедушка был прав. Нельзя сдаваться. Она художник, и её призвание – дарить миру красоту.

В голове уже зарождались новые идеи, робкие, словно первые подснежники, но полные жизненной силы. Инга верила, что обязательно найдёт новую работу, встретит людей, способных раскрасить её мир, и откроет для себя прежде неизведанные горизонты. И пусть февраль, словно чернокнижник, сковал город ледяным проклятием, в сердце Инги трепетно тлел уголёк надежды, готовый в любой момент разгореться в яркое пламя.

Она открыла дедушкин ноутбук на массивном столе в его кабинете. Здесь всё дышало основательностью и вкусом: малахитовые чернильницы, пресс-папье, подставки для ручек – дед ценил не дешёвую канцелярию, а настоящие предметы искусства. Он проводил в кабинете долгие часы, и каждая деталь интерьера должна была соответствовать его статусу профессора. Инга быстро нашла в интернете риэлторское агентство. Написала одному из риэлторов, и тот почти мгновенно ответил, сообщив о заявке на сдачу комнаты в самом центре города. Уже завтра утром риэлтор по имени Павел должен приехать для осмотра. «Здорово!» – с воодушевлением подумала Инга.

Инга ощутила прилив восторга. Эта комната могла стать спасением, глотком свежего воздуха в затхлом болоте безденежья. Она представила себя, рисующей эскизы в небольшом, но уютном уголке, оживляющей холсты яркими красками, словно сама весна, пробивающаяся сквозь серую пелену зимы. Эта комната – шанс, подарок судьбы, знак, что всё не так плохо, как кажется.

Ночь прошла в тревожных размышлениях. Инга ворочалась в постели, то и дело проваливаясь в беспокойные сны, где краски сливались в бесформенные пятна, а дедушкин голос звучал приглушённо и издалека. Утром, словно выжатый лимон, она натянула на себя первое попавшееся платье и побрела на кухню, чтобы заварить крепкий кофе. В зеркале отразилось усталое лицо с тёмными кругами под глазами. Инга подкрасила губы яркой помадой, словно пытаясь добавить красок в серый мир вокруг.

Ровно в назначенное время позвонил Павел. Молодой, энергичный риэлтор с заразительной улыбкой быстро осмотрел квартиру, профессионально оценивая её достоинства. Он похвалил просторный кабинет с большим окном, залитым солнечным светом, и отметил живописный вид из окна. Инга чувствовала себя неудобно, демонстрируя своё жилище, но старалась быть вежливой и отвечать на вопросы Павла. В конце осмотра он сообщил, что квартира ему нравится, и он уверен, что быстро найдёт жильца.

Инга наблюдала за суетливым риэлтором Павлом с отрешённостью, словно сдавалась не комната, а вся дорогая квартира, вместе с осколками её прошлой жизни. Она наконец заговорила: «Павел, идёмте, я покажу вам комнату для постояльца.» Инга взяла ключи и распахнула дверь. Комната зияла диссонансом на фоне остальной квартиры. Если там царил чопорный классический стиль кабинета профессора, её дедушки, Вениамина Карловича, то здесь властвовал холодный модерн.

Стены, имитирующие серый мрамор, ламинат такого же оттенка – под стать февральской стуже за окном. Самая просторная в квартире, комната вмещала двуспальную кровать, шкаф-купе, скорее, гардеробную, диванчик, гладильную доску, утюг, сушилку и выход на балкон. За современным компьютерным столом стояло эргономичное кресло. Рядом – шкаф для книг или стильных вещичек. Лишь тюль и плотные блэкаут-шторы напоминали о прежнем уюте. Когда-то здесь была её детская, комната, в которую она вошла, переехав к бабушке перед самым первым классом. Вадик, бывший возлюбленный, начисто лишённый вкуса к классике, на деньги Инги, словно бездушный скульптор, вылепил из неё кричащий, безжизненный глянец. Он поменял дизайн комнаты, заменив классический интерьер на современный. Плазменная панель на стене, колонка «Алиса», журнальный столик у дивана и элегантное кресло у окна – ничего не напоминало о её прежней жизни. Вадик прошёлся по прежней комнате да и жизни последних четырёх лет как катком.

И винить оставалось только себя – зачем позволила? В своей же собственной квартире. Ремонт ещё дышал новизной – не прошло и года. И теперь, когда Вадик навсегда ушёл, Инга намеревалась сдать эту стильную, «как у всех», комнату арендатору. Павел скользнул взглядом по комнате, словно оценивающий хищник, запечатлел несколько снимков и, казалось, мгновенно отправил их кому-то. «Договор сейчас оформим. И, знаете, Инга Маратовна, у вас просто золотая жила: центр города, комната – глаз не отвести. Вы куш сорвёте, да и я в накладе не останусь.» «В накладе...» Это слово царапнуло слух, словно наждак по стеклу, отвратительным диссонансом вторглось в уют комнаты. Но нужда безжалостно диктовала свои условия, и Инга была готова приглушить брезгливость ради призрачной надежды на финансовое спасение.

После ухода риелтора Инга почувствовала внезапную опустошённость. Квартира словно осиротела без бабушкиного присутствия. Она снова уселась в плетёное кресло и закрыла глаза. В памяти всплыли последние слова, сказанные дедом перед смертью: «Не бойся перемен, Инга. Они – это возможность. Даже в самые тёмные времена ищи свет. Он всегда где-то рядом». Инга открыла глаза и решительно поднялась. Бабушка был прав. Она должна двигаться вперёд, не оглядываясь назад. Она художник, и её холст – это её жизнь.

К вечеру раздался звонок от Павла, и в голосе его звучала ликующая нота: «Нашёл! Идеальный арендатор! Молодой, амбициозный, ищет именно такое уютное гнёздышко в центре для своего проживания». Инга облегчённо выдохнула, словно с плеч свалился непосильный груз. Казалось, тучи рассеиваются, и жизнь снова набирает обороты. Она распахнула окно, впуская морозный воздух, пропитанный не только колким дыханием февраля, но и едва уловимым предвестием весны.

И тут взгляд её зацепился за старую кисточку, одиноко приютившуюся на подоконнике. Воспоминания хлынули потоком. У них с дедом была своя маленькая игра. Он нарочно прятал кисточку, чтобы юная Инга поняла простую истину: без хорошего инструмента художник – ничто. «Да, за окном – пленительный вид, готовый сорваться на холст, но без кисти и красок, милая, ты бессильна». «А если я буду писать руками, деда?» – спрашивала она. «Возможна и такая техника, родная, – отвечал он. – Но кистью твои зайцы, медведи и куклы обретут истинную жизнь, станут объемнее, реальнее. Ко всему подходи с душой: к сюжету, к своему воображению, к этим дорогим кисточкам и ярким краскам». И всегда, когда Инга пыталась сэкономить на кистях, он прятал её «напоминалку» именно в оконном проёме. Как же сильно ей его не хватало! Он оставил ей не только квартиру, но и некую сумму, достаточную для жизни.

Сбережения, которые профессор завещал внучке, предназначались для исключительного случая. Инга верила, что непременно найдёт работу и сможет сама себя обеспечивать. О существовании этой суммы не знал никто, кроме деда и с некоторых пор – её. Он оставил часть средств своей единственной дочери, Карине Вениаминовне, матери Инги, и двум другим внучкам, близняшкам Мане и Гале, но эту сумму передал лично Инге, в старом кожаном кейсе. «Никому ни слова, заклинаю», – прошептал он, вручая сокровище. «Это тебе от меня, моя родная». И она свято исполнила волю деда: жила скромно, на свою небольшую зарплату, храня тайну и бережно лелея надежду, что этот запас никогда не понадобится или, наоборот, понадобится для особого случая.

Вадику, своему бывшему, она об этом не обмолвилась ни словом. Тот четыре года пытался выведать хоть что-то, но быстро понял, что надеяться не на что. Всё же, у профессорской внучки наверняка должны были остаться хоть какие-то сбережения. Им владела лишь одна, корыстная мысль: прочно обосноваться в этой жизни, используя её как ступень. На это и была сделана ставка.

Да и Инга никогда не была в его вкусе. «Тошная какая-то, нескладная», – бросал он презрительно. Хотя у неё были густые, тёмно-русые волосы, нежный румянец на щеках и взгляд, пронизывающий насквозь. Она предпочитала длинные юбки, была немного старомодной, но в этом и заключался её шарм. Длинное полупальто, юбка в пол, уютный шарф, простые ботинки и неременная заколка-бабочка. Она обожала бабочек. И дед называл её Грета Ото. «Стеклянная красotka», – говорил он. «Удивительной красоты, самой грациозной и утончённой бабочкой в мире является Грета Ото. Её крылья настолько тонки и прозрачны, словно сотканы из хрусталя. Встретить такую красавицу можно в Мексике и Аргентине, во влажных, вечнозелёных и цветущих лесах. Эта бабочка – гурман, питается нектаром ядовитых цветов, чтобы отпугивать врагов возможностью отравиться. Умно, не правда ли? Раскроешься – и останешься недоступной, непостижимой до конца. Так говорил дед».

Инга взяла кисточку в руки, и по телу разлилось тёплое чувство ностальгии и умиротворения. Она улыбнулась, глядя сквозь морозное стекло на вечерний город. В её жизни обязательно будет место для творчества. Обязательно.

В полумраке дедовских речей
Звучало имя, словно тихий клич:
"Грета Ото – хрупкий дар ночей,
Стеклянной красоты безмолвный лик!"

В её крылах – хрустальная тонкость,
Прозрачность неземная и покой,
Изящества и грации склонность —
Над Мексикой, Аргентиной, над землёй.

Она гурман, но с выбором опасным,
Вбирает яд цветов на свой покров,
Чтоб красотой остаться ей прекрасной,
Отравой защищая от оков.

Раскрывшись, тайна в ней живёт,

Загадочна и недоступна вмиг.
И кто познает, до конца поймёт
Лишь отблеск крыл и ускользящий лик.

И вот она, меж звёздной пылью млечной,
Летит туда, где времени покой,
Меж лепестками, трепетной и нежной,
Встречает утро трепетной душой.

Она, как эльф из позабытой сказки,
Ведёт свой танец, лёгкий и простой,
И в каждом взмахе, словно отголоски,
Звучат легенды о стране иной.

Она целует робкие бутоны
И пьёт нектар, что солнцем налит.
В её полёте – вечные законы,
Природы мудрость в красоте сокрыт.

И в сумерках лесов, где тишина,
Она находит тихий свой приют,
Где шепчут травы, вторит им луна
О Грете Ото, что хранит уют.

Её полёт – как музыка без слов,
Как отзвук арфы в горной тишине.
И каждый взмах крыла – как зов ко сну,
Как сказка наяву, что снится мне.

И кто хоть раз узрел её красу,
Навек запомнит этот дивный миг,
Как будто прикоснулся к небесам,
Как будто слышал ангельский язык.

Она – как символ хрупкости и силы,
Как тайна, что раскрыть нам не дано,
Но в каждом сердце, где любовь жива,
Запечатлено имя Греты Ото, навсегда.

Квартирант загадочен, словно крылья бабочки

В то утро Ингу разбудил настойчивый звонок в дверь. На пороге стоял Павел, сияющий, как начищенный медный таз. «Вот ваш арендатор! Знакомьтесь, это...» Он многозначительно замолчал, давая возможность молодому человеку представиться самому.

На Ингу смотрел парень лет двадцати пяти. В его взгляде плескалась открытость, а на губах играла дружелюбная улыбка. «Роберт. Очень приятно, Инга Маратовна. Павел так расхваливал вашу квартиру, да и местоположение просто идеальное». Инга смущённо улыбнулась в ответ. «Можно просто Инга», – промолвила она. Роберт производил впечатление человека лёгкого, приятного в общении. Пока Павел и Роберт углублялись в детали договора, Инга украдкой разглядывала своего нового жильца. Одет он был скромно, даже аскетично, но со вкусом: простые джинсы, тёмный свитер, выдавшая виды кожаная куртка, хранящая на себе отпечаток дорог и приключений. Чувствовалось, что парень не купается в роскоши, но полон энтузиазма и юношеского желания покорить мир.

После подписания всех бумаг и передачи ключей Инга осталась наедине с Робертом. «Знаете, Инга, я давно мечтал о таком месте», – признался он, оглядывая комнату. «У вас здесь очень уютно и как-то... спокойно, что ли». Инга кивнула, и ей было приятно слышать такие слова. Она уже начинала бояться, что квартира превратится в шумный проходной двор, но Роберт, казалось, принадлежал к совершенно иной породе людей. «Инга, можно полюбопытствовать, почему моя комната разительно отличается от интерьера всей квартиры? Она, конечно, шикарная, чистая, уютная, но всё же...», – спросил парень. «Прежний постоялец изъявил желание сделать ремонт, он прожил здесь четыре года и перед самым отъездом всё переделал. А потом какие-то жизненные обстоятельства вырвали его из нашего города, он уехал, прихватив при этом кое-какие вещи», – ответила Инга. «Я в полицию заявлять не стала, так как договора найма у нас не было. Впредь буду умнее. Жилец прежний помог, да и замки в двух остальных комнатах стоят.

Они там с того самого момента, как поселился Вадик. Да, они не то что были парой, он её просто поддержал. Сначала ночи искрились романтикой мимолётных встреч, а затем их вытеснил неумолимый гул танковых сражений, поглотивший его в пучине цифровых баталий на долгие годы. Инга всё собиралась его прогнать, да жалко было, даже чувства какие-то были, или, точнее, иллюзия обмана, превратности судьбы... Ей хотелось настоящей семьи. И вот, когда она уже точно узнала, что на работе её не удержат, заявила ему: «Вадик, тебе нужно пойти на работу, я не смогу тебя больше содержать». Вадик явно не был к этому готов, он что-то пытался говорить, приторно ласковые слова шептал. Но Инга сказала, что за четыре года много слышала разного, но ей на сегодняшний момент, когда она осталась без работы, нужно мужское плечо, на которое она может положиться.

Вадик особо к ней чувств не питал, да и интима уже не было года полтора точно. Он прихватил компьютер, купленный Ингой, всё забрал, даже чашку, из которой пил чай, купленную не за его деньги. Инга сразу же поменяла входные замки после его ухода, вымыла комнату хлоркой, чтобы этот таракан больше никогда не вернулся, и была счастлива». «Располагайтесь, Роберт, – сказала она новому жильцу. – Оплата пятнадцатого числа каждого месяца, Павел вам дал реквизиты моей карты. Заносите свои два рюкзака и ноутбук. Комната в вашем распоряжении. Можно попросить гостей не водить, а если кто и будет – предупредите, пожалуйста. В комнате будете убирать сами. Коммунальные услуги я высчитаю пропорционально от пло-

щади квартиры. Но это не значит, что воду нужно лить без меры», – ответила Инга. «Давайте сразу всё расставим по полкам, чтобы потом не возвращаться к этому вопросу. Санузел раздельный, я буду убирать, но за собой ванну не забываем смывать, не говоря уже об уборной». Роберт улыбнулся. «Инга, вы говорите как моя мать», – ответил он. – Не переживайте, я приучен к чистоте». «Прекрасно», – ответила хозяйка. «Машинка стиральная в ванной, она в вашем распоряжении, и сушилка. Давайте я приглашу вас на кухню. Здесь у нас немного несовременно, но газ имеется». «Да у вас тут здорово», – ответил Роберт. – Здесь какая-то особая атмосфера». «Верно, Роберт, это одно из любимых мест моего дедушки, покойного», – ответила Инга. «Курить не нужно, хотя деда гоняла из-за этого». «Я не курю, барышня». «Замечательно. Холодильник у нас большой, но пустой. Моя полка снизу, всё остальное в вашем распоряжении». «Точно, у вас тут мышь повесилась», – пошутил Роберт. «В точку», – ответила Инга. – Не люблю готовить. Давайте располагайтесь. Теперь на какое-то время это и ваш дом. Добро пожаловать, Роберт», – Инга одарила его тёплой искренней улыбкой и словно расцвела на глазах. «Благодарю», – ответил молодой человек. Она прошла мимо него. Он был очень общительным, ему хотелось что-то ей сказать, но он не стал этого делать. Всему свой час. «Ну до чего же она прехорошенькая, и эта бабочка в волосах ей так идёт...» Инга направилась в кабинет деда, чтобы посмотреть альбомы по старинным игрушкам. Ей нужно тоже начинать заниматься, сегодня с квартирантом все решила. «Завтра пойду куплю новые кисточки, самые лучшие, задаток получила за аренду квартиры. Новая жизнь с новыми кисточками, да и жилец вроде боевой».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.